

В. ШУЛЯТИКОВ
Оправдание капитализма
в западноевропейской философии
(фрагмент)

IV
Спиноза

Картезианская система, по традиционному объяснению историков философии, изобилует противоречиями, которые и предопределили фатальным образом ее дальнейшее развитие. Требовалось преодолеть лежавший в основе учения дуализм — дуализм Бога и мира, дуализм духа и тела, каковую задачу и выполняли последующие философы.

На первых порах, впрочем, дуализм Бога и мира не удостоивается внимания со стороны философов. Так называемые окказионалисты заняты исключительно пересмотром вопроса о взаимоотношении духа и тела. Почему так произошло, почему начали именно с этого пункта, новейшие комментаторы истории философии не выясняют. И выяснить, оперируя на почве чисто логических рассуждений, нельзя не только данный вопрос, но и вообще вопрос об эволюции картезианских предпосылок.

Декарт первый дал общую схему мануфактурной метафизики. И эта схема отвечала тому внутреннему строению капиталистических предприятий, которое имелось в данный момент на лицо. Но мануфактура развивалась, — и развилась в направлении все большей и большей централизации своих составных элементов и факторов. И на этом пути первым знаменательным явлением было установление более прочной зависимости промежуточных организаторских звеньев от верховного руководителя. В раннем периоде образования крупных капиталистических организаций (напр., Verlagssystem и домашняя промышленность) эти промежуточные звенья фигурировали в качестве «посредников». Мануфактура постепенно лишала их известной доли самостоятельности, которой они обладали, постепенно превращала их в простые колесики сложного исполнительского организма, механически действующие. Они становятся уже не посредниками, а исполнителями воли главы предприятия. Правда, в рамках их профессии им предоставлены известные полномочия, и они все же выступают, как организаторы. Но каждый их организаторский акт мыслим только, как акт, санкционированный свыше. Они действуют именем предпринимателя. Непосредственного — т. е. вполне самостоятельного воздействия на организуемую ими рабочую массу они не оказывают.

Декарт уже отметил зависимость, в которую они попали, но отметил в общих чертах и несколько не ясно. «Души» все-таки у него могут влиять на тело, тень известной самостоятельности, как никак, сохраняют. Дальнейшее усиление зависимости промежуточных организаторов от верховного руководителя сделало подобную постановку вопроса уже неудовлетворительной. Большая определенность реальных отношений требовала большей определенности и в области идеологии. Окказионалисты, во главе с Гейлинксом вносят в картезианство соответствующую поправку.

Движения тела вызываются не волевыми актами души. Точно также тело не может порождать в нас представления. И если нашим желаниям отвечают известные движения тела, то это объясняется волею высшего духовного существа, — Бога. Каждый раз *по поводу* нашего хотения Бог заставляет тело двигаться, каждый раз *по поводу* известного телесного движения он вызывает в нас соответствующее представление. «Ты скажешь: мы двигаем, мы ломаем твердые и большие тела и испытываем в себе бесконечную силу. Детское это утверждение. Мы ни двигаем, ни ломаем; но при наличности нашего хотения движение,

которое произвел создатель мира и неизменно производить, определяется так, что ломает, делает, двигает тела «(Dices: nos movemus, nos frangimus multa corpora... et infinitam vim in nobis nos experimur. Resp. Nam satis expunximus; pnerilem ilium persuasionem; nos non frangimus *ad arbitrium nostrum* motus, quem mundi conditor effecit et conservando continuo efficit, itu determinatur, ut frungat, ut dividat, ut moveat quaedam corpora)».¹ Наше хотение — лишь повод, «случайная причина», *causa occasionalis* для проявления божественной воли.

Аналогичная поправка вносится и в картезианскую теорию познания. Декарт связал возможность познания вещей с идеей Бога. Но опять-таки в данном случае он сделал указание лишь самого общего характера: существование Бога является условием познания вещей. Дальнейшую разработку его тезис получил в произведениях Николая Мальбранша. Душа, ничего общего не имеющая с телом, может познавать вещи лишь помощью идей. Тела не дают нам идей. Равным образом, идеи не создаются душой. Они, эти первообразы вещей, содержатся в Боге. И, созерцая Бога, души могут получать, таким образом, сведения о мире телесном, познавать его.

Всякое сношение души и тела только через Бога. Всякое сношение промежуточных организаторских звеньев с организуемой массой только с санкции верховного организатора!

Но этого мало. Процесс централизации элементов и факторов мануфактуры подвигается вперед. Делается второй шаг в области устранения противоречий и недомолвок картезианской философии. Гейлинкс и Мальбранш, категорически отказывая индивидуальным душам в самостоятельности, тем не менее, не ставили их окончательно на одну доску с телами. Система Спинозы, сложившаяся в стране наиболее передового для той эпохи капитализма, в Голландии, достигшей промышленного расцвета, провозглашает полное равенство «душ» и «тел» перед лицом всемогущего божества. Дух и тело отныне не субстанции (вопреки утверждению Декарта), не разные классы, противостоящие и враждебные друг другу; мышление и протяжение теперь не более, как два атрибута *единой*, всеохватывающей, всецентрализующей субстанции. Движение материи и деятельность души лишь две стороны *одного и того же* процесса. Ни о каком взаимодействии между душой и материей не может быть и речи.

Все, что совершается, существует одновременно в форме мышления и в форме протяжения: вот единственно что мы можем утверждать. Если рассматривать явления под одной формой, мы получим один ряд причин, если рассматривать те же явления под другой формой, получим другой ряд причин. Оба ряда, так сказать, равноценны, с одинаковой необходимостью обуславливаются волей производящего их Бога. Точка над «i» поставлена.

Душа — идея тела. Тело — «идеат» (объект) души. Всякая вещь — и дух и тело.

Причинам материального ряда нельзя приписывать способности производить действия и изменения в духовном ряду. То же самое верно и относительно причин духовного ряда: какой-либо акт душевной деятельности может вызвать только новые душевные движения. Мы в праве говорить лишь о строгом соответствии в смене действий обоих рядов.

Конечные вещи, следовательно, не только тела, но и индивидуальные души, — преходящие изменения (модусы) божественной субстанции. Они существуют лишь в последней, сами по себе немислимы, сами по себе — ничто. Более того, душу следует понимать, не как нечто цельное и неделимое. Неделима и цельна одна субстанция; а душа — механическое соединение отдельных представлений и идей. *Homo sum et nihil humanum mihi alienum est*: я — организуемый и ничто из свойств и признаков организуемой массы мне не чуждо! Как организуемая масса, бывшие «посредники», существовать без верховного руководителя, без предпринимателя-капиталиста не могут. Как организуемая масса, бывшие «посредники» находят себе работу в мануфактурном предприятии в качестве деталейных

---

¹ *Arnoldi Geulinx Antverpiensis opera philosophies, Pucognovit j. P. N. Land. v. II, Metaphysica vera, стр. 191.*

«производителей», в качестве специалистов по части выполнения какой-нибудь одной из многочисленных подчиненно-организаторских функций. Наряду с дифференциацией представителей физического труда, в мануфактуре совершается процесс дифференциации и представителей труда интеллектуального. Соответственно этому происходит «раздробление» индивидуальной души. Что касается материи, то последняя, еще со времен Декарта, фигурирует у философов в «раздробленном» виде, фигурирует как до бесконечности делимое нечто. Теперь же организаторские «низы», очутившиеся в весьма непривилегированном положении, буржуазная философия наделяет свойством, в котором им раньше упорно отказывала.

Учение о бесконечном многообразии преходящих материальных явлений дополняется учением о многообразии несубстанциональных душ. Таким образом, наличность душ в мире, не вносить дисгармонии в стройный механизм последнего. И тем с большим правом Спиноза мог заявлять: *ex necessitate divinae naturae infinita infinitis modis sequi debent*, из необходимости божественной природы должны вытекать (или, как поясняет один новейший комментатор Спинозовской системы,² производиться) бесконечными способами бесконечные явления.

«Из Бога вытекающий, т.е. Богом осуществляемый и в Боге содержащийся мир сущностей, есть мир бесконечных индивидуальностей; этот мир представляет единство или связь сил, которые если рассматривать их по отношению друг к другу, качественно различны; эта связь эмпирически проявляется во временной последовательности и пространственном существовании явлений, раскрывающих переданную в количественных отношениях картину качественного единства сил».³

Итак, никаких качественных различий в мире становления нет, т. е. нет никаких качественных различий для верховных руководителей между всеми элементами и факторами мануфактурной мастерской. Предприниматели имеют перед собой однородную массу. Но однородность этой массы не исключает пестрого разнообразия ее внешних форм, ее изменений, — напротив, требует такого разнообразия. Говоря, что последнее вытекает «из необходимости божественной природы», Спиноза не занимался чисто схоластическою игрою терминов, лишенною всякого реального содержания. Нет, на своем специальном языке, он характеризовал внутреннее строение капиталистических предприятий и называл иерархию рабочих и иерархию промежуточных организаторских звеньев необходимой предпосылкой, жизненным нервом мануфактурного производства. Так это и было в действительности.

Целое немислимо без существования частей; неизменная, сама себе всегда равная, вечная субстанция немислима без непрестанной модификации, без непрестанной смены конечных вещей, количественно разных. «*Facile concipiemus iotam naturam unum esse individuum, cujus partes, hoc est omnia corpora, infinitis modis variant, absque ulla totius individui mutatione*». Вся природа — индивидуум, части которого бесконечно разнообразны, но это разнообразие не обуславливает ни малейшего изменения целого.

Из сущности божественной природы вытекает ее *самоограничение*.

Но часть; в свою очередь, немислима без целого; будучи взята ОТДЕЛЬНО от него, она, повторяем, ничто. И познание вещей возможно только тогда, когда отдельные вещи рассматриваются в связи с целым, — в связи с Богом. Вещи разум может постигать только как необходимые проявления единой субстанции, — *sub specie aeternitatis*, под формой вечности.

---

² А. Wenzel: «Die Weltauschaunug Spinozas», I, стр. 293.

³ Ibid., стр. 294.

Правда, в своей теории познания Спиноза отводит известную роль чувственному восприятию и опыту. Поскольку тела и души признаются равноценными явлениями, качественно однородными, постольку внешний мир у Спинозы не обращается в фикцию, постольку голландский философ находит нужным считаться и с опытом и с чувственным восприятием. Опыт, чувственное восприятие для него неперемное условие познания вещей, но условие предварительное и истинных, «адекватных» понятий о вещах не дающее. Требуется известный организаторский акт. Тела — материал, заключающей в себе больше, чем заключается в чувственном восприятии. Чтобы извлечь из них это нечто «большее» необходимо брать их во взаимной связи, сравнивать и сопоставлять их друг с другом. Мануфактурный рабочий — детальный рабочий и использовать его «услуги» можно лишь при условии соединения в одном предприятии других «тел», рабочих других профессий. Но и взаимной связи тела для истинного познания мало. С помощью ее мы познаем лишь «пребывание» вещей, преходящие явления. Мыслящий субъект, индивидуальная душа — то же тело. Он во всем подчинен высшей организаторской воле. Организуя и контролируя известную область трудовых операций, выполняемых в мастерской, бывший «посредник» не может считать эту область самодовлеющим целым. Его «познание» не полно, если не будет установлена связь высшего порядка, — зависимость всех тел и вещей от главной организующей основы, от единой субстанции.

И эта зависимость конечных вещей, тел и душ от единой субстанции есть, вместе с тем полное поглощение их последней. Спиритуализм превращается в пантеизм. Ничего не существует кроме Бога, все в нем и все — Он.

Величественная, очаровывающая система! такова почти всеобщая оценка спинозовского миропонимания. Наиболее далекий от всяких «мирских помыслов» человек, идеальнейший тип мыслителя, исключительно преданного чистому умозрению — такова всеобщая оценка личности Спинозы. Но... когда Спиноза умер, то, как известно, погребальную колесницу, везшую его останки, с большой помпой провожал *fine fleur* голландской буржуазии. А если мы познаем поближе с кругом его знакомых и корреспондентов, то опять встретимся с *fine fleur*'ом — и не только голландской, но и всемирной — буржуазии. Объяснять внимание, которым последняя, в лице своих передовых представителей, удостаивала отшельника — философа, простым очарованием его системы, глубиной и последовательностью его мышления не приходится. Буржуазия чтит в Спинозе своего барда.

Спинозовское миропонимание — песнь торжествующего капитала, — капитала, все поглощающего, все централизующего. Вне единой субстанции нет бытия, нет вещей: вне крупного, мануфактурного предприятия производители существовать не могут. Первый член капиталистического «символа веры», переведенный некогда на философский язык впервые Декартом, получает теперь особенно ясную и решительную формулировку.